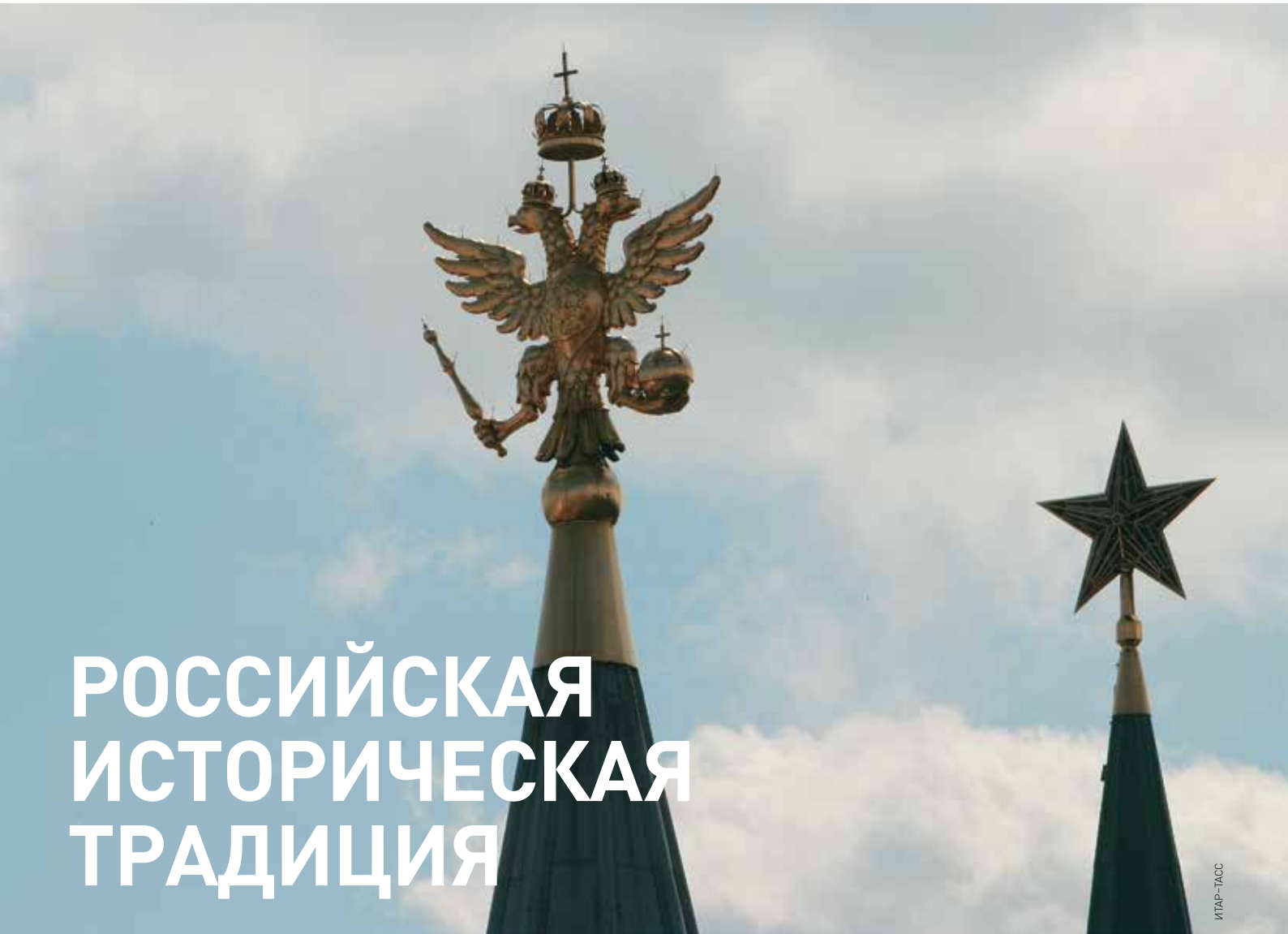

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

В ОБСУЖДЕНИЯХ И СПОРАХ ВОКРУГ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ ОЧЕНЬ МНОГО ПОЛЕЗНОГО, ОНИ УЖЕ ПОЗВОЛИЛИ РАСШИРИТЬ ГОРИЗОНТЫ. ОДНАКО ЧАЩЕ ВСЕГО КОПЬЯ ЛОМАЮТ ВОКРУГ ПУСТЬ ВАЖНЫХ, НО ВСЕ-ТАКИ ЧАСТНОСТЕЙ. КАК ЛУЧШЕ НАЗВАТЬ МОНГОЛОВ? КАК ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ СТАЛИНА? НО, ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, НЕ МЕНЕЕ ВАЖНЫ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ: ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ? КТО МЫ? ПОЧЕМУ МЫ ТАКИЕ, КАКИЕ МЫ ЕСТЬ? И ЧТО ОТЛИЧАЕТ РОССИЮ ОТ ДРУГИХ СТРАН?

О ДНИ ПОДЧЕРКНУТ СОБОРНСТЬ, КОЛЛЕКТИВИЗМ, «самодержавие, православие, народность», природный демократизм. Другие – органичный авторитаризм, имперскую диктатуру, всевластие государства и бесправие общества, вспомнят известные строки Владимира Гиляровского о двух напастях: «Внизу власть тьмы, а наверху тьма власти». Все это правда. И все – неправда.

Россия – совершенно не однозначный феномен, который плохо понимают не только иностранцы, но и всю жизнь прожившие в ней люди. Николай Гоголь поражался в 1845 году, насколько современники не могли или не хотели постигать свою страну: «Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей».

Федор Тютчев был прав, когда уверял, что должность русского Бога – не синекура. Однако вопреки стереотипам исторически Россия – крепкое, жизнеспособное и стабильное государство. Одно из двух-трех на планете, которые могут похвастаться пятью веками непрерывного суверенного существования, не прерванного завоеваниями извне или нахождением под чьей-то властью.

За свою более чем тысячелетнюю историю Россия четыре раза терпела подлинные Крушения. Когда разрушались традиционные формы государственности, страна превращалась из субъекта в объект международной политики, становилась полем боя гражданских войн и/или интервенций, несла колоссальные человеческие жертвы, теряла огромные территории, отбрасывалась на десятки лет назад в экономическом развитии. Когда вставал вопрос о выживании ее как государства и нации. Первое Крушение было вызвано внешним завоеванием: в XIII веке раздробленные русские княжества стали добычей монгольского войска. Все последующие Крушения объяснялись почти исключительно внутренними причинами, которые порождали революционные взрывы, ставившие страну на грань существования. Так было в начале XVII века, когда Россия захлебнулась в братоубийственной Смуте. Так было после революции 1917 года, когда Гражданская война унесла миллионы жизней, а государственность была восстановлена методами большевистской диктатуры. Так было в 1991 году, который принес развал СССР (который был формой существования России), сопровождаемый серией гражданских войн, катастрофическим экономическим обвалом на постсоветском пространстве, небывалым геополитическим ослаблением страны.

После каждого из этих Крушений Россия возрождалась, начинала заново. Каждый раз это была другая Россия. Но только немного другая. Потому что люди оставались теми

крайних западников, которые считают, что у всего человечества был, есть и может быть только один – западный – путь развития (хотя что это за путь, они вряд ли толком объяснят, как не обратят внимания и на различия между самими западными странами).

Все существующие на Земле цивилизации, как и отдельные люди, исторически имели весьма простую главную цель – выживание. Реализовав ее, приступали к другим задачам – созданию удобства, удовлетворению любознательности, обеспечению свободы. Для этого каждая цивилизация выбирала свой набор технологий. Если выбор был неправильным, цивилизация становилась предметом изучения исключительно такой науки, как археология. Если цивилизация живет, значит, выбранный ею набор технологий правилен, значит, ее матрица жизнеспособна. Указанная Николаем Бердяевым антиномичность России в действительности существует. Веками святость уживалась с варварством; героические порывы и самопожертвование – с ленью, апатией и безалаберностью; тяга к порядку – с не менее сильной тягой к вседозволенности; ожидание перемен – с сопротивлением любым переменам.

Самые суровые в мире географические и погодноклиматические условия предопределили стойкость к ударам природы и судьбы, выносливость и терпение. Краткость сельскохозяйственного сезона в почти поголовно крестьянской стране на протяжении веков воспитывала способность к героическому коллективному трудовому порыву,

«Россий, если можно так выразиться, много. Существует очень большой плюрализм этносов, идеологий, географических зон. Но Россия одна как цельный (или цельный именно в своей плюралистичности) организм. В его основе лежит цивилизационный, культурный генетический код, закладывающий основу общей российской матрицы».

же, и они воспроизводили во многом прежние ментальные культурные стереотипы.

Россий, если можно так выразиться, много. Существует очень большой плюрализм этносов, идеологий, географических зон. Но Россия одна как цельный (или цельный именно в своей плюралистичности) организм. В его основе лежит цивилизационный, культурный генетический код, закладывающий основу общей российской матрицы. «Россия не есть пустоеместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, – за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что именно дано именно ему, и потому ходит побирать под чужими окнами», – подчеркивал философ Иван Ильин в сборнике «Наши задачи. Историческая судьба и будущее России».

К счастью для России, понимание этого существует в самых различных общественных слоях, если исключить

ву, но неспособность к упорному систематическому труду и тягу к загульным формам релаксации. Страна с минимальным объемом прибавочного продукта могла существовать и развиваться лишь благодаря возможности отчуждать этот прибавочный продукт, обязав все население службой – в форме ли военного призыва или крепостного права. Территориальная экспансия во многом стимулировалась низкоурожайным малоземелием, требовавшим приращения пахотных земель. Огромная площадь России, устремленность к бесконечности, широта российской ментальности и души предопределили слабую способность организовать жизненное пространство, которое слишком часто рассматривалось как временное.

Основной географической доминантой выступали реки, которые соединяли страну и становились главными путями для ее экспансии. Российская цивилизация была речной. Стратегически Россия всегда была уязвима для завоеваний, находилась в исключительно сложном геополитическом окружении. Основная военная опасность на протяжении веков исходила с Юга – от воинственных народов Степи, а также с Запада. Естественными защитниками страны выступали холод и обширность территории. Про-

тяжеленность и уязвимость границ вынуждали держать оборону одновременно на всех направлениях, что предполагало высокий уровень милитаризации. В отличие от Западной Европы, где король и военная элита рассредоточенно жили в сельской местности, русские князья и дружинники вынуждены были жить в городах, которые выполняли функции крепостей. И сдаваться на милость победителей, как было принято в Западной Европе, возможности не было: степняки несли либо смерть, либо рабство. Население городов должно было не просто заниматься торговлей и ремеслами, а быть готово идти в бой, что предопределяло их организацию не по цеховому, а по военному принципу – по сотням и тысячам.

Необходимость обеспечивать выживание и обороноспособность большой территории, находящейся в сложном геополитическом окружении, делала необходимым перераспределение ресурсов от бедного и малочисленного населения. Это привело к высокой степени централизации власти.

Россия имела отличное от Западной Европы культурно-цивилизационное наследие. Для Западной цивилизации ключевыми были влияния античной культуры, впитанной через римско-католическую церковь и латынь, а затем – через арабские переводы классических трудов Древней Греции. Большая часть античного наследия прямого отношения к Руси не имела, ее единственной «Грецией» была Византия. Русь не вошла в ареал франкских завоеваний, которые еще в XI веке прочертили восточные границы Запада.

Вую очередь влияние Степи, апогеем которого стало истребительное монголо-татарское завоевание. Пребывание в составе самой обширной империи в истории человечества – империи Чингисидов, включавшей в себя и Китай, и Персию, и часть Индии, – привнесло идеологию полиэтнической и мультиконфессиональной евразийской империи, восточный деспотизм во власти, централизованную армию, основанную на принципах воинской повинности, смертную казнь и пытки, систему налогообложения, денежного обращения, ямского дорожного сообщения, знание путей к Тихому океану.

Государственность России – это не механизм управления, который основывается на принципе «договора» людей во имя общих дел и идей, для реализации которых граждане отказываются от части своего естественного суверенитета. Государство нередко понимается как полный синоним понятиям «Россия» или «Отечество», как становой хребет цивилизации, гарант существования общества, устроитель жизни.

По степени общественно-политического плюрализма Киевская Русь, где князь, княжеская (боярская) дума и вече были неотъемлемыми компонентами системы управления, ничем не уступала Западной Европе, если не превосходила ее. В то же время в Древней Руси и Московском государстве отношения между монархом и его вассалами не оформлялись в договорном порядке, значимых усилий законодательным путем ограничить prerogatives верховной власти не предпринималось. Аристократия в западном понимании этого слова не развивалась, она не обладала

«Указанная Николаем Бердяевым антиномичность России в действительности существует. Веками святость уживалась с варварством; героические порывы и самопожертвование – с ленью, апатией и безалаберностью; тяга к порядку – с не менее сильной тягой к вседозволенности; ожидание перемен – с сопротивлением любым переменам».

Даже если признать варягов норманнами, как считают, наверное, большинство современных исследователей проблемы (и в чем у меня уверенности нет), говорить о привнесении государственности извне оснований немного, тем более что сами скандинавы узнали государственность позже Руси, а о скандинавском культурно-религиозном влиянии говорить вообще невозможно.

Главным фактором византийского – а вместе с ним античного – влияния стало принятие христианства, что сыграло решающую роль в складывании российской цивилизационной матрицы. Константинополь дал основы вероучения, грамотность, архитектуру, живопись, книгописание. Именно от Византии исходил принцип верховенства высшей государственной власти над церковной, примата православия над этничностью, благочестия перед благосостоянием. Оттуда элементы римского права в древнерусском праве. От Византии после ее падения будут унаследованы принципы самодержавия и претензии на создание самого могучего православного государства, претендующего на статус «Третьего Рима».

Если для Западной Европы влияние Востока было почти исключительно влиянием ислама, то для Руси это было в пер-

экономической самостоятельностью, находясь в сильной зависимости от верховной власти.

Во всех государственных делах царь выступал конечной инстанцией. Право назначать думных людей принадлежало исключительно государю, законы издавались его именем. В числе отличительных свойств российской системы власти – ее неинституционализированность и персонификация. Важны не столько институты власти, сколько люди у власти. В России верховным правителям прощали все. Кроме слабости.

Вместе с тем мнение о всемогуществе во все времена самодержавной российской власти не следует абсолютизировать. Верховная власть в XVI–XVII веках осуществляла себя через Боярскую думу и подчиненные ей центральные правительственные учреждения. Царь делил власть с князьями, Боярской думой и церковью, а затем и органами сословного представительства, что ничем не отличало российскую систему власти от западной. Отличали широкие вотчинные права самодержца, который фактически был хозяином всей земли.

Даже в эпоху абсолютизма (XVIII–XIX века) способность монархов по своему усмотрению строить жизнь страны,

реформировать ее была весьма ограничена: их прерогативы сдерживались наличием традиции, влиятельной бюрократии, императорской семьи, дворянского землевладения, армейской верхушки, перспективами возможных дворцовых переворотов и народных бунтов.

Система управления во все времена не отличалась четкостью, функции различных государственных органов традиционно были переплетены и запутанны. Привычка, которую Ключевский называл наследственной, «к административным боковушам, клетям и подклетям» прошла в неизменном виде – от домостроительных привычек московских правителей до сегодняшнего дня. Власть никогда не была полностью формализованной, существовало несоответствие между реальной и предусмотренной законом процедурами принятия решений.

Родовой чертой российской государственности можно считать разделение верховной власти, которая концентрировалась в руках князя, царя, императора, Генерального секретаря ЦК КПСС, президента и высшей исполнительной власти, находившейся в руках высшей бюрократии – Боярской думы, Сената, Государственного совета, Совета министров, Совнаркома, правительства. При этом в руках верховной власти неизменно оставался контроль над армией, спецслужбами и дипломатической службой.

Российской традицией стало существование узкого внеинституционального круга лиц, которые на практике подменяли собой формальные государственные институты. Этот круг принимал формы Ближней думы, Избранной рады, Тайного совета, Негласного совета, узкого круга Политбюро, «семьи» и т.д.

Россия на протяжении большей части своей истории располагала системой представительных органов – вече, Земские соборы, Государственная дума, Верховный Совет. Даже во времена монголо-татарского ига вечевые порядки сохранялись в землях Новгорода и Пскова, а в эпоху абсолютизма созывались представительные собрания типа Уложенной комиссии Екатерины II и сохранялось представительство на муниципальном уровне. В период после заката веча, которое представляло так или иначе все население отдельных городов и прилегающих к ним местностей, представительство носило сословный и территориальный характер: призываемые верховной властью лица представляли отдельные социальные и профессиональные группы и регионы страны. Такой характер представительства свойствен и дореволюционной, и советской, и современной системе представительной (и законодательной) власти, в которой, по мнению и власти, и общества, должны находиться и начальники, и интеллектуалы, и рабочие, и крестьяне из всех уголков страны. Представительные (законодательные) органы в России были, за редким исключением, не столько противовесом, сколько продолжением верховной власти, ее подспорьем, и именно власть в решающей степени определяла их повестку дня. Русские судебники связаны с византийскими номоканоном, включавшими и церковные правила, и гражданское законодательство, а через них – с системой римского права. Судебные функции длительное время принадлежали исполнительной власти, но на региональном и местном уровнях существовали выборные судебные органы. Кодификация законов неизменно оставалась слабым местом, противоречия между различными законодательными

нормами были в порядке вещей. Правовая система не носила универсального характера, существовала серьезная асимметрия, учитывавшая специфику отдельных регионов с их национальной особенностью. Идея права связана не столько с государственными законодательными актами, сколько с пониманием справедливости, не столько с формальным правом, сколько с народной «правдой». Закон часто противопоставляется правде как высшей справедливости, велика снисходительность к правонарушителям.

Совокупность всех этих черт определяла отсутствие в России реального разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, их функции неизменно были переплетены. Верховная власть в России – после прекращения созыва Земских соборов и Боярской думы – была неразделенной. «Порядок – от Царя», спасать и строить страну способна только верховная власть, «горе тому царству, коим владеют многие», «лучше грозный царь, чем семибоярщина». Государство выступает единым пространством власти, которая распространяется иерархически. Наделение властными полномочиями идет с высших ярусов иерархии к низшим, вертикальные связи оказываются важнее горизонтальных или сетевых. На уровне территорий эта неразделенность власти тоже очевидна.

Столь же сложно было всегда установить пределы полномочий центра и региональных властей, маятник постоянно качался между стремлением все решать из столицы с помощью органов центрального правительства и созданием относительно самостоятельных органов местного управления под командованием наместников, воевод, губернаторов и органов местного самоуправления. Система федеративных отношений во все времена отличалась повышенным уровнем централизованного контроля, высокой долей национального богатства, концентрируемого в столице, асимметрией в статусе различных субъектов, связанной с их национальным составом.

На местах неизменно ощущался вакуум центральной власти, которая до XX века распространялась, по сути, лишь на губернские города. Чиновничий аппарат в стране во все времена, вопреки распространенному заблуждению, всегда был меньше и относительно общей численности населения, и уж тем более – размера территории, чем в государствах Запада или Востока. Одними из основных причин слабости бюрократического аппарата выступали проблемы с финансами и кадрами. В системе государственной службы доминировали не столько институциональные интересы, сколько система личных, патронажно-клиентальных связей. «Дешевизна» аппарата и его неформальный характер имели обратной стороной масштабную коррупцию, доходившую до высоких правительственных сфер. То есть степень контроля государства над населением в целом никогда не была всеобъемлющей, как из-за обширности территории, так и по причине немногочисленности государственного аппарата.

Губное и земское самоуправление существовало на протяжении веков. Однако суженные права выборного представительства в городах, где – особенно на южных и восточных рубежах – большую роль играли служилые люди (стрельцы, казаки, пушкарки), не позволяли городам выступать флагманами капиталистических отношений. Российская цеховая организация походила не столько на

итальянские цеха, сколько на парижские, подчиненные королевской власти.

Россия до начала сталинских индустриализации и коллективизации даже близко не приближалась к западному уровню урбанизации. Российская цивилизация вплоть до 1930-х годов была деревенской и ментально во многом продолжает оставаться таковой, что ныне подтверждается наличием беспрецедентного для остального мира числа дач и приусадебных хозяйств.

Веками в России существовало местное самоуправление, основанное на сельской общине, мире, круговой поруке. Община функционировала на фундаменте обычного права, которому отдавалось предпочтение перед официальным законодательством. Принадлежность к общине предполагала самоконтроль, предотвращение конфликтов, совместные трудовые усилия, взаимовыручку, приверженность моральным и религиозным ценностям, поиск согласия во имя всеобщего блага. Если западное сознание рассматривает конкуренцию, конфликт как позитивную ценность, позволяющую сильнее проявить свои способности, то для российского менталитета ценностью является, скорее, бесконфликтность, жизнь в мире. Община не оставляла много места для проявления индивидуального.

Однако в России личность не растворялась в социуме, как на Востоке, ей были присущи тяга к индивидуализации, стремление «быть в себе», порыв к свободе, к сбрасыванию постылого тягла. Но русское понимание воли далеко отстояло от западного понимания свободы, отодвигая на задний план отсутствие принуждения, вседозволенность. Когда прозвучали слова о демократии, россиянин услышал не правление закона и разделение властей, а вольницу, плохо к тому же совместимую с собственностью и капитализмом. При этом российская деревня, в отличие от западноевропейской, не знала частной крестьянской, индивидуальной или семейно-дворовой собственности, пользовались наделом, предоставляемым общиной. Уравнительно-передельные порядки в общине сохранились вплоть до создания колхозов. Земля всегда воспринималась как принадлежащая Господу, а не человеку.

Специфика российской территориальной экспансии определялась тем, что она не сопровождалась уничтожением этносов или культур, превращением новых подданных в рабов. Система управления нерусскими областями отличалась сочетанием максимально допустимого сохранения местных особенностей и жизненных устоев, невмешательства в сферы, регулируемые традицией и обычаями с учетом местных традиций и специфики.

Для всех жителей существовала общая правовая среда, которая если и отличалась для отдельных территорий и народов, то только в лучшую сторону (за исключением, пожалуй, лишь «черты оседлости» для евреев). Полностью отсутствовала система национального господства со стороны «имперской нации» – русских, на которых, напротив, распространялись самые тяжелые повинности и формы дискриминации – от крепостного права и рекрутчины до репрессий и отсутствия этнической государственности. Правящий класс всегда был многонациональным с непропорционально низким представительством собственно русских.

В отечественном сознании, да и во многих государственно-правовых документах, понятие нации по-прежнему имеет отчетливую этническую окраску – один язык, одна

религия, одна психология и т.д. Даже действующая Конституция начинается со слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». То есть народ, состоящий из многих наций, а не являющий собой – как в других государствах – одну нацию, состоящую из людей разной этнической принадлежности. Россияне живут в плену представлений о нации как общности, связанной с этничностью больше, чем с государственностью.

Исключительно уязвимое геополитическое положение, соседство со Степью превращали интересы обороны в абсолютный приоритет государственной политики. Война стала нормой существования страны, а ее милитаризация – отличительной особенностью российской матрицы. Технологическое и тактическое отставание от противников, особенно на Западе, компенсировалось способностью мобилизовать крупные человеческие ресурсы, обладавшие незаурядными выносливостью и мужеством, централизованно концентрировать непропорционально большие силы и средства для целей обороны, использовать для маневрирования обширное пространство страны. Если для Западной Европы был характерен принцип найма на военную службу, то для России – принцип повинности, долга для каждого, прежде всего элиты, обязанной служить с поместных и вотчинных земель. При Петре I Россия стала первой страной в мире, которая ввела систематическую рекрутскую повинность, а затем и всеобщую воинскую повинность – в 1874 году.

С петровских времен российская армия становится одной из сильнейших на планете, способной противостоять – с той или иной степенью успешности – любой другой великой державе или их коалициям, как это было во время Наполеоновских войн, Первой и Второй мировых войн. Но и не была гарантирована от поражений – как в Крымской или русско-японской войнах.

Матрицу традиционной российской государственности можно определить как сословно- (профессионально- и национально-) территориально-представительную автократию с сильным самоуправлением и чувством индивидуальной свободы человека. Полноценная демократия, неудачливым первопроходцем которой Россия выступила в 1917 году, проведя первые в истории человечества всеобщие выборы, вновь пробивает дорогу с конца 1980-х годов, заметно сокращая проявления автократии.

Россия на протяжении пяти последних столетий неизменно входила в десятку крупнейших экономик мира. Исключение составили только периоды Крушений – Смута, Гражданская война, 1990-е, – когда она скатывалась во второй десяток. При этом страна неизменно отставала от ведущих держав своего времени по качественным хозяйственным параметрам, технологиям, уровню жизни. В России институт частной собственности, составлявший квинтэссенцию западного общества, не мог сложиться в полной мере.

Институт крупной частной собственности знати, что составляло основу независимости западной аристократии, был развит слабо. Купеческое сословие оставалось весьма замкнутым и сильно зависело от милостей власти. Низкая производительность сельского хозяйства в России, да еще с учетом того, что до половины крестьянства в течение почти четырех веков находилось в крепостной зависимости, не позволяла сельскому хозяйству рождать капитализм, как в Англии или США.

Роль государства в регулировании экономических процессов неизменно была велика. В России широкое распространение получило государственное предпринимательство, которое развивалось параллельно с централизацией власти и переходом под ее контроль все большего объема земельной собственности. На протяжении всей истории частное богатство рассматривалось как следствие правительственной милости и на деле являлось таковым.

Богатство в соответствии с представлениями раннего христианства считалось грехом. Люди не испытывали тяги организовывать частное хозяйство, недолго любили богатых и удачливых, интеллектуальная элита с пренебрежением относилась к торговле и промышленности. И в современной России без труда можно разглядеть неуважение к собственности, чиновничье предпринимательство, госслужбу как источник обогащения, отрицательное отношение к бизнесу, относительно низкие среднестатистические показатели. В России – даже на демографическом пике – всегда проявлялось несоответствие между относительно небольшой численностью населения и колоссальными размерами территории, протяженностью границ, масштабами требовавших освоения пространств, неразвитостью поселенческой сети.

Русское сознание расходится с западным в трактовке свободы и справедливости. На Западе свобода – это реализация

других». Ни в одной стране не было таких жарких споров о прошлом, нигде так не переписывали учебники истории. Символическими для определения российской идентичности являются национальные символы: заимствованный Иваном III из Византии герб с двуглавым орлом, триколор, взятый у голландцев Петром I, гимн Александра времен Великой Отечественной и Знамя Победы как символ вооруженных сил.

Одна из немногих стран, которая восприняла христианство на родном языке и прямо из Византии, Киевская Русь оказалась на высоком уровне культурного развития, ее города были в значительной степени грамотными. Огромную роль в духовной жизни играли монастыри, ставшие главными центрами книгописания, переводов, распространения грамотности.

В российской системе средневекового образования ключевые элементы западного – Аристотель, Августин, римское право – либо полностью отсутствовали, либо присутствовали в минимальной степени. Вместе с тем Россия испытала на себе влияние итальянского Возрождения на его излете, наглядным свидетельством чему является Московский Кремль, стены и соборы которого построены итальянскими мастерами. Из ренессансной Италии пришли также некоторые рационалистические ереси, водка и венерические болезни.

«Государственность России – это не механизм управления, который основывается на принципе «договора» людей во имя общих дел и идей, для реализации которых граждане отказываются от части своего естественного суверенитета. Государство нередко понимается как полный синоним понятиям «Россия» или «Отечество», как стержень цивилизации, гарант существования общества, устроитель жизни».

прав в сочетании с обязанностями, а справедливость является синонимом законности. В России свобода – воля, отсутствие ответственности; справедливость – равенство для всех и сильное патерналистское государство. Русское сознание также отличается своей нерыночностью, слабо развитой «мотивацией достижения». Россиянам свойственно более терпимое и сострадательное, чем на Западе, отношение к неудачникам, к бедным и обездоленным. Люди не любят рутинную работу даже за большие деньги. Россияне никогда не жили лишь материальным, в идеале их должна осенять высокая цель. Выстоять помогают смелость до бесшабашности, изобретательность, приспособляемость, терпение.

У россиян достаточно сильно развита национальная гордость. Но у них нет национального чванства, претензии на мессианскую исключительность. При этом они очень самокритичны, им свойственна самоироничная отстраненность. Александр Герцен называл одним из свойств русского духа «способность время от времени сосредоточиться в самом себе, отречься от своего прошлого, посмотреть на него с глубокой, искренней, неумолимой иронией, имея мужество сказать об этом открыто, без цинизма... и без лицемерия, обвиняющего себя, чтоб получить оправдание от

С петровских времен можно говорить о появлении научного знания и интеллектуальной среды, которая развивалась в западных канонах и усилиями приглашенных европейских ученых. Российский образованный класс в значительно большей степени, чем на Западе, был далек от остального народа, отличаясь даже по одежде и языку. Кроме того, не существовало связи между образованностью и состоятельностью, интеллигент порой влачил бедное существование и испытывал антибуржуазные чувства.

Интеллигенция во все времена оставалась в оппозиции к власти, и ее оппозиционность всегда резко нарастала в условиях либерализации режима, который критиковался за недостаточность или неискренность либерализации. Если западный интеллигент предлагал продукт своего труда и пытался на нем заработать, пытаясь использовать государство в своих целях, то русский интеллигент искал справедливости и работал на ослабление или свержение любой власти. На все времена справедливы характеристики авторов «Вех», данные русской интеллигенции: оторванность от жизни, прекраснотворчество, самомнение, неприятие инакомыслия, отвлеченный догматизм, героизм

ческий максимализм, историческая нетерпимость, отсутствие чувства связи с прошлым страны.

Основные интеллектуальные течения и философия возникали как реакция на европейскую мысль. При этом зарубежные теории поначалу воспринимались как истина в последней инстанции и руководство к действию, не подвергаясь критическому или скептическому анализу.

Идейно-политический спектр России – дистанция между левым и правым – уже в XIX веке окажется намного длиннее, чем где бы то ни было, и этот плюрализм воспроизведется в постсоветской России. Современные идейные размежевания во многом берут начало в конце XVIII и XIX веке. Как представляется, основоположником консервативной традиции можно считать Николая Карамзина, который ужаснулся от Великой французской революции и отдал явное предпочтение органическому российским началам. Основными носителями консервативной традиции выступили славянофилы – последователи Алексея Хомякова, видевшие плюс в самобытности России – православии, земских и сословных принципах, крестьянской общине, отсутствии классовой борьбы. Консерватизм продолжился также и как не связанное со славянофильством интеллектуальное течение (Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский). Консервативно-охранительное течение ассоциировалось с

ное государство часто основывалось на теократическом принципе, то в православии царь рассматривался как помазанник Божий, но без восточного обожествления, а власть традиционно имела примат над церковью. Страна веками сохраняла высокую степень веротерпимости, в ней не было инквизиции и охоты на ведьм. Миссионерское начало было развито гораздо меньше, чем на Западе, а о насаждении своей веры силой оружия речи вообще не шло. Притеснения иноверных, гонения на еретиков и даже преследования старообрядцев имели куда меньшие масштабы, чем в Западной Европе. Россия не знала религиозных войн. Главенствующая церковь, в отличие от Запада, никогда не претендовала на то, чтобы стать единственной, поглощающей все иные верования. В России сохранялись и сохраняются другие христианские деноминации, традиционными религиями являются ислам, буддизм, иудаизм. Гонения на них, если случались, носили не столько религиозный, сколько политический характер и по масштабам нередко уступали гонениям на Русскую православную церковь (особенно в советское время).

Россия испытала на всех этапах своей истории мощнейшие внешние воздействия. И она их впитывала. Как писал Достоевский, «мы предугадываем, и предугадываем с благоговеньем, что характер нашей будущей деятельности

«Специфика российской территориальной экспансии определялась тем, что она не сопровождалась уничтожением этносов или культур, превращением новых подданных в рабов. Система управления нерусскими областями отличалась сочетанием максимально допустимого сохранения местных особенностей и жизненных устоев, невмешательства в сферы, регулируемые традицией и обычаями с учетом местных традиций и специфики».

деятельностью последних российских императоров, и его идеологами выступали Уваров, Катков и Победоносцев.

Либерализм, судя по всему, начался с Александра Радищева, воспитанного французским Просвещением и атеизмом и сделавшего упор на сострадательности и человеколюбию. Либералы в значительном количестве оказались в рядах западников (первым из которых я считаю Петра Чаадаева), которые возмущались крепостничеством, самодержавием, бюрократизмом, отсталостью, невежеством и призывали брать пример с Англии и Франции. Из либерального западничества после прививки к нему марксизма, анархизма и народнических идей вырос российский социализм, провозвестником которого мне представляется Виссарион Белинский, а главными творцами, идеологами и практиками во всемирном масштабе – Владимир Ленин и Иосиф Сталин.

Русская православная церковь во все времена выступала фактором государственного единства, играла огромную роль в сохранении национальной идентичности, являлась культурным стержнем, идейным столпом сопротивления агрессорам.

Если для западной матрицы характерно разделение государства и церкви и соперничество между ними, а восточ-

должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа, в отдельных своих национальностях, что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности. Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых. Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев».

Многое перенимали, но заимствование носило специфический характер. Юрий Пивоваров в работе «Русская политика в ее историческом и культурном отношении» отмечал, что природа российской власти «предполагает» заимствования, и прежде всего того, чего в русской жизни нет вообще. Но заимствования «функциональные, а не субстанциональные».

Россия заимствовала порядки, как правило, у своего самого сильного противника. Многое было позаимствовано у Византии и монголов. Петр I перенимал шведскую государственную модель, Александр I – французскую во-

енную модель. Форму организации хозяйственной жизни Советская Россия заимствовала у соперника в Первой мировой войне – Германии. Либеральную государственную и экономическую модель – у США, главного противника в холодной войне. Во всех случаях перенятые за рубежом схемы в России работали хуже, нежели оригиналы.

Была ли Россия частью Западной политической системы? На протяжении большей части своей истории – безусловно, нет. Границы Запада с рубежа I–II тысячелетий определялись распространением католицизма, латыни и франкской знати. Вместе с тем Русь, Россия была крупным государством в Европе, играла важную роль на восточной периферии Западного мира, не раз становилась объектом устремлений включить ее в этот мир. С правления княгини Ольги Киевская Русь была предметом соперничества между Византией и Римом, и предпочтение, отданное Константинополю, стало моментом цивилизационного выбора (на Украине почему-то считают, что делают его прямо сейчас).

Новый раунд попыток вовлечь Россию в Западную систему в качестве вассала был предпринят после падения ордынского ига, но он вновь завершился безрезультатно. Именно с этого времени – с начала XVI века – на Западе формируется – остававшийся впоследствии неизменным – образ России как варварского, дикого, безбожного, отсталого и враждебного государства. Еще более существенно, что такое восприятие России становилось частью западной матрицы, страна выступала в роли того антипода, глядя на который Запад возвышал свою систему ценностей в собственных глазах. Отказ от такого образа для Запада означал бы потерю части собственной идентичности. В строгом смысле слова Запад как система сложился с середины XVII века – с Вестфальской системы, – участники которой не признавали Россию равным партнером, относя ее к числу варварских держав, подлежащих освоению, как американский или африканский континенты. В России же недовольство западным высокомерием начинает сочетаться с ростом понимания необходимости освоения западного опыта, чем и занялся Петр I. Россия стала великой европейской державой под Полтавой и с тех пор никогда не теряла этого статуса, завоевывая положение серьезного игрока в большой политике Старого Света.

С победой большевистской революции впервые в истории в крупной стране к власти пришел режим, не только открыто отвергавший западные ценности, но и предлагавший ему радикальную альтернативу в глобальном масштабе. Советская Россия была исторгнута из европейской системы. По окончании войны Москва оформила свою обширную сферу контроля в ареале исторического Запада, что явилось одной из причин холодной войны. Другой причиной стала установка американского руководства на глобальное доминирование и предотвращение возвышения державы, способной этому помешать. Советский Союз за семь с половиной десятилетий своего существования никогда не был частью Западной системы, даже когда участвовал в работе Лиги Наций или играл ведущую роль в антигитлеровской коалиции. Более того, сама эта система строилась нередко именно против СССР в рамках стратегии «сдерживания» или исходя из стремления держать Советский Союз вне ее рамок. Обособление России было особенно зримо прочерчено расширением Европейского союза и НАТО, определив-

шим восточные границы Запада, и реакцией Запада на воссоединение с Крымом.

Скорее соглашусь с Александром Пушкиным и Александром Герценом, Арнольдом Тойнби и Эмюэлем Хантингтоном, которые склонны были видеть в России и ее ближайших окрестностях самостоятельную цивилизацию, к которой европейская цивилизация наиболее близка. Российскость можно понять, прежде всего исходя из сущности самой России, а не чьей-то еще. Россия – самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, огромный, целостный и уникальный мир со своим генетическим кодом истории, системой архетипов социальности, культуры, духовности, особым способом их проживания в истории и самой истории.

Не может жить нация с неизвестным или растоптанным прошлым и настоящим. Трагическая, драматичная, героическая – это наша история, и другой у нас не будет. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», – уверял Александр Пушкин.

Всегда необходимо помнить, в какой стране живешь и работаешь, знать ее традиции. Но нельзя быть рабом традиции. Политическая воля способна менять судьбы государств. Россия, имевшая традицию автократии, за два десятилетия добилась немало в деле создания демократического общества. Но Россия вовсе не намерена соглашаться на роль нерадивого ученика, которого мудрый и справедливый учитель отчитывает за невыученные уроки. Мы не ученики, а мудрость учителей демократии под большим вопросом на фоне Ирака, Гуантанамо, тюрем ЦРУ, глобальной прослушки АНБ и т.д. Демократия в РФ будет укрепляться в условиях безусловного суверенитета, под которым принято понимать независимость государства во внешних и главенство во внутренних делах.

Формы демократии всегда зависели от ментальности, традиций, институтов, уровня жизни, правовой культуры, от того исторического времени, в котором живет государство. В мире множество демократических моделей, причем работают те, что максимально учитывают национальную специфику.

«Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит Философия, так вещает История, – писал наш первый историк Николай Карамзин. – Благоразумная система в жизни продолжает век человека; благоразумная система государственная продолжает век государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкого конечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу погибели». И сегодня Россию рано хоронить.

У нашего Отечества великое прошлое. Ветвь арийского племени спустилась с Карпатских гор, мирно заселила Великую русскую равнину, самую холодную часть планеты, дошла до Тихого океана, основала Форт-Росс, впитала в себя соки богатейших культур Византии, Европы, Азии, разгромила страшнейшего врага человечества – нацизм, проложила человечеству дорогу в космос. Но мало где так слабо знают и недорого ценят свое прошлое и настоящее. Крайне важно, опираясь на знание прошлого, предложить образ достойного завтра. Ведь российская цивилизация всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем! ■